

ИНТЕРВЬЮ 30.05.2019

А теперь в режиме селфи

Почему социальные сети – слишком тяжелое испытание для многих политиков

Читайте это интервью на немецком языке

Интервью провели Клаудиа Детч и Йоанна Итцек

Каково в наши дни влияние социальных сетей на стиль и содержание политики?

В наше время социальные сети сегментируют общество намного сильнее, чем раньше. Отныне не существует монолитного общества, в котором политики пытаются утвердить себя и перед которым они должны нести ответственность. К тому же социальные сети порождают поляризацию и взрыв эмоций до такой степени, что дискурс уже не имеет бывшего веса. И тот, кто хочет поспеть за этим, должен также овладеть искусством поляризации, нагнетания эмоций и обострения.

А как в идеальном варианте политики должны использовать Facebook, Twitter & Co.? Есть ли у них вообще шанс противодействовать описанным выше механизмам посредством постов?

Все-таки еще существует широкая «официальная» политическая общественность, сформированная мейнстримовыми медиа. В идеальном варианте политики должны обрести четкий политический образ, однозначно соотносимый с исповедуемой ими политикой. Они призваны вбирать в себя озвученные обществом интересы и руководствоваться ими для внесения разумных политических предложений.

Удастся ли это?

Большая проблема в данный момент заключается в том, что почти все политики родом из одного социального окружения, а именно высших культурно образованных зажиточных слоев. Они

отдалены от общественной среды, связанной с миром труда, а потому являются воплощением лишь того, что имеет существенное значение только для упомянутой немногочисленной лидерской прослойки. Как следствие, дефицит репрезентативности является одной из основных причин кризиса репрезентативности общества, в котором мы живем. Непредставленные слои общества выплескивают свою энергию в виртуальный мир социальных медиа отчасти из-за того, что не имеют возможности сделать это в другом месте, отчасти потому, что в состоянии осуществлять коммуникацию лишь в форме маленьких лоскутов текста. Политики устоявшихся партий, очевидно, не имеют возможности дойти до сознания этих людей из-за своего стиля коммуникации и репрезентации. Это барьер. И этот барьер – большая проблема для нашей демократии.

Сегодня политики должны быть постоянно доступными и способными к откровенной длительной коммуникации в социальных сетях. Одновременно в медиасреде преобладает нулевая толерантность к ошибкам. Какой человек, какой тип политика вообще осмеливается идти в политику при такой исходной ситуации?

Это дилемма, ведь это в принципе невозможно. Если кто-то должен общаться круглосуточно, как от него ожидают, то он может делать это, лишь продуцируя нечто провокационное, что превращает это общение в некую медиаигру, при которой вообще теряется связь с реальной политикой. Или же вещи формулируются настолько гладко и настолько лишены острых углов, что становится ясно: за это ни завтра, ни послезавтра тебя не посадят и не оштрафуют. Рациональная коммуникация на основе аргументов, ориентированная на более длительную перспективу, при таких обстоятельствах вряд ли возможна. А в политику, естественно, идут те, кому нечто подобное нравится, или же те, кто в состоянии справиться с таким напряжением благодаря своему характеру или советникам по выстраиванию коммуникации.

В начале года Роберт Хабек сенсационно ушел из Twitter и Facebook. Это пиар-стратегия? Или же сегодня политик действительно может позволить себе отсутствие в социальных медиа?

Хабек – особая личность в мире медиа. Он, так сказать, избранник доминирующей в среде журналистов «зелено-черной» тусовки. Те, кто стремится к «зелено-черной»

коалиции в газете Zeit, журнале Spiegel, ряде либеральных медиа, так превознесли его, что все, что бы он ни делал, транслировалось ими как нечто достойное восхищения. Хабек это понимает. Он может положиться на это, а потому отметил уход из Facebook как знаменательное событие. И те же люди, которые днем и ночью висят в Facebook, также праздновали. Это что-то действительно аутентичное. Это стало актом большой символической силы, давшим возможность преподать себя в качестве героя, борца против принуждения в любых его проявлениях. Но вскоре он, по всей вероятности, снова окунется в эту среду, в которой чувствовал себя столь уверенно и комфортно. Это всего лишь мимолетный символический акт без каких-либо последствий.

Итак, отказ от социальных медиа не может использоваться как модель другими политиками, не имеющими такого медиарейтинга, как Роберт Хабек?

Опасность ситуации заключается в том, что у популистов, преимущественно правых популистов, нет доступа к традиционным медиа. Как правило, их осуждают, задают им трепку или же выталкивают на периферию. Поэтому они начали мигрировать в социальные медиа. В них они представлены намного сильнее по сравнению с большими народными партиями. И если речь идет о том, чтобы составить им конкуренцию, необходимо собственно переходить к коммуникации там. Но возможно ли там достаточно искусно построенное и в то же время убедительное участие в общении – для меня вопрос открытый. Впрочем, сказать, что это их мир, нас это не касается, также в любом случае было бы неверно, так как неизбежно повлекло бы за собой беспрепятственное возникновение информационных пузырей. Нужно найти канал для трансляции своего сигнала. Но сделать это так, чтобы добиться восприятия и отклика, а не просто порождать одну гнилую сенсацию за другой.

Вы упомянули о том, как нынешние политики в своих высказываниях ловко обходят опасность попадания в собственную ловушку. Не мешает ли такая тактика общения дебатам по большим и важным темам будущего развития и выстраивания долгосрочной политики?

Это главная проблема. Вполне «нормальная» политика во вполне «нормальных» медиа работает таким образом, что из-за круглосуточного политического мониторинга политики все больше боятся рисковать. Они знают: спустя какое-то время их могут ткнуть носом в сказанное ими и наверняка так и сделают, а

потому готовность идти на риск, радость от привнесения чего-то нового снижаются до минимума. Политики-профессионалы – это политики-карьеристы. Им нужно быть крайне осторожными: о чем нельзя говорить, дабы не поставить под угрозу весь свой дальнейший жизненный путь? Поэтому процесс коммуникации в среде профессиональных политиков крайне заторможенный, редко можно увидеть реальные убеждения за произносимыми словами. Часто это обмен гладкими, отточенными оборотами.

Это вызывает критику и у журналистов.

Да, на это нарекают и в медиа, впрочем, не совсем справедливо, ведь сами медиа способствуют тому, чтобы никто не говорил рискованных вещей. Это усугубляется и тем, что те, кому угрожает опасность оказаться вне игры, те, кто критикует практикуемую ныне миграционную политику или высказываются против практикуемой политики глобализации, не представлены сегодня профессиональными политиками. Поэтому они полагают, что именно социальные сети – это их стихия. И вообще у них складывается впечатление, что обрести голос они в состоянии, лишь прибегнув к провокационному протесту.

Какой же выход?

Большого скачка ожидать не приходится. В данный момент мы находимся в кризисной ситуации, в которой для общества характерна довольно сильная тенденция к расколу в европейском, да и в мировом масштабе. Правый популизм, ставший антиподом устоявшейся демократии, набирает обороты. В таких кризисных ситуациях те, кто несет ответственность, должны поменять свой образ мыслей и обратиться к тому, что необходимо сделать, чтобы остановить эти тенденции или повернуть их вспять. Прежде всего необходимо сформулировать четкую альтернативу.

Представители мейнстрима должны уяснить: существует левоцентристская и правоцентристская политика, и между ними есть существенные расхождения по принципиальным вопросам. Необходима полемика с попутчиками правых популистов, до сознания которых еще можно достучаться. Это вопрос выживания демократии, в том числе и Социал-демократической партии Германии.

Если верно то, что основное ядро популистов очень маленькое и составляет от пяти до шести процентов, а остальные следуют за ними, ведомые чувством протеста, им необходимо сигнализировать наше понимание их опасений и тревог, а также нашу реакцию на них. Это, на мой взгляд, те две стратегии,

которые нужно практиковать, в противном случае позитивное отношение к популистам будет только увеличиваться. А среди партий возрастает лишь усталость и неспособность к перспективному мышлению.

Придерживаются ли такого же мнения и большие народные партии?

Не совсем. Наши политики представляют и репрезентируют то, что в науке называют космополитической позицией: максимально открытые границы, всяческое способствование миграции. А мыслям и чувствам представителей более слабых социальных слоев не придают значения, они подвергаются критике, причем не только тогда, когда речь идет о беженцах, а и по всему спектру вопросов, касающихся условий жизни и труда. О них отчасти по-настоящему вообще мало что известно. Необходимо преодолеть эту социальную отстраненность. Итак, следует создавать возможности для доступа к себе, двигаться навстречу другим, даже если это кому-то не по нутру. Иного выхода, на мой взгляд, нет.

Томас Майер

Берлин

Томас Майер (Thomas Meyer) – почетный профессор политологии Дортмундского технического университета. Он - главный редактор журнала «Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte», член преподавательского состава Академии социальной демократии Фонда им. Фридриха Эберта и заместитель председателя комиссии по базовым ценностям Социал-демократической партии Германии.

